















-  [Главная страница](#)
-  [Человек и текст](#)
-  [Архивы и текст](#)
-  [Цензура и текст](#)
-  [Текст пространства](#)
-  [Текст истории](#)
-  [Текст музыки](#)
-  [Текст музея](#)

-  [Новости](#)
-  [НОО РОИА](#)
(учредитель)
-  [Законы](#)
-  [Редакция](#)
-  [Глоссарий](#)
-  [Каталог](#)



Обновление материалов сайта

30 декабря 2010 г. размещены волшебная сказка "Царь Горох" и "Эхо тундры" Якоба Айгеншарфа.

 [подробнее](#)


13 – 14 января 2011 г. в г. Коврове состоятся XVIII историко-краеведческие чтения «Российская провинция: история, традиции, современность»

Публикуется Программа и порядок чтений

 [подробнее](#)

[Главная страница](#) / [Цензура и текст](#) / [Россия \(Russia\)](#) / [После 1917 г.](#) / [Библиотека](#) / [Книги и статьи](#) / [Зеленов М.В.](#)

 **ЗЕЛЕНОВ М.В.**

Размер шрифта:  [распечатать](#)

М.В.Зеленов. Библиотечные чистки в 1932-1937 гг. в Советской России

Библиотечные чистки в 1932-1937 гг. в Советской России

30 октября 1929 г. Секретариат ЦК ВКП (б) принял постановление «Об улучшении библиотечной работы», в котором говорилось о необходимости «провести просмотр книжного состава всех библиотек и очистить его от идеологически вредной, устаревшей и не подходящей к данному типу библиотек литературы»[1]. В подлинных протоколах Секретариата ЦК никаких подготовительных материалов к этому документу не сохранилось[2]. Свет на происхождение этого постановления проливает Председатель Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР Н.К.Крупская в письме к своей заместительнице А.Г.Кравченко: «Под давлением культотделов [профсоюзов – М.З.] АГПО ЦК (Отдел агитации, пропаганды и печати – М.З.) в последнюю минуту в резолюцию о библиотечном деле вставил пункт о чистке. [...] Профсоюзы требуют, чтобы ГПП (Главполитпросвет – М.З.) дал им исчерпывающий список книг с мещанским уклоном»[3]. Действительно, за две недели до этого в официальном органе Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) газете «Труд» появился Циркуляр № 242 «Учсть уроки Днепропетровского вредительства», в котором прозвучал плохо скрываемый призыв к изъятию «вредной» литературы[4]. Несмотря на противодействие Крупской, анонимный руководитель Наркомпроса принимает решение изъять до 80 % литературы из библиотек массового пользования[5]. Летом 1932 г. эти чистки достигли пика. Из библиотек изымались книги не только классиков литературы, но и работы Маркса, Ленина, Сталина. Всё, что было после этого, мало известно в литературе[6].

1932-1935.

По иронии судьбы, инициатором нового поворота в политике чисток опять стали профсоюзы. 4 сентября 1932 г. в «Труде» появилось постановление ВЦСПС с критикой перегибов в библиотечном деле. Ровно через месяц, в Постановлении Коллегии НКП "О просмотре книжного состава библиотек" признавались ошибки и извращения в политике библиотечных чисток. В результате этого было признано необходимым "немедленно прекратить массовое изъятие книг из библиотек"[7]. Сектору массовой политпросветработы предлагалось в 10-дневный срок представить проект приказа о порядке хранения и изъятия книг. Начальнику Главлита Б.М.Волину поручалось возглавить комиссию для подготовки в 15-дневный срок доклада

Коллегии НКП о книжных фондах. 16 октября член Коллегии Наркомпроса и член Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК), следящей за нравственностью членов партии, бывший заместитель заведующего Агитпропа ЦК Н.В.Мальцев направил своему начальству письмо с описанием варварских чисток и с критикой ВЦСПС. Кроме этого, Н.В.Мальцев предлагал «1) Войти в ЦК ВКП (б) с предложением о немедленном прекращении чистки... 2) Создать при Президиуме ЦКК комиссию для выявления действительных виновников преступного проведения чистки и для разработки мероприятий, ликвидирующих вредные последствия такого проведения»[\[8\]](#).

23 октября 1932 г. об «извращениях» в просмотре книжных фондов нарком просвещения А.С.Бубнов (1880-1949), доложил в Политбюро. Было принято решение «В виду совершенно недопустимого, по существу антисоветского характера, который приобрела чистка библиотек за последние два года, немедленно прекратить чистку, перевозку и перепродажу книг из всех библиотек». Кроме этого, было решено создать при Президиуме ЦКК комиссию "для выявления действительных виновников преступного проведения чистки и для разработки мероприятий"[\[9\]](#). Член Президиума ЦКК Н.К.Антипов (1894-1938) подготовил список состава «комиссии ЦКК по библиотечному делу», который достаточно формально был утвержден опросом членов Политбюро 30 октября. В комиссию под председательством члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР и члена ЦКК А.С.Енукидзе (1877-1937) вошли 23 человека, среди них представители Наркомпроса (Н.Н.Колотилов, Н.В.Мальцев и Н.К.Крупская), Главлита (А.А.Сольц), директора Публичной Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Публичной им. В.И.Ленина и Библиотеки МГУ. 8 ноября 1932 г., после отчета ЦКК, Политбюро передало этот вопрос в Оргбюро ЦК для окончательного разрешения[\[10\]](#).

НКПрос оформил партийные рекомендации в виде Приказа от 2 февраля 1933 г. «О порядке комплектования, хранения и изъятия книг из библиотек». Было признано необходимым прекратить чистки и ликвидировать спецфонды в районных, городских, сельских и областных библиотеках[\[11\]](#). Для общего руководства работой по просмотру книжного состава библиотек при Главлите создавалась Центральная постоянно действующая комиссия под руководством Б.М.Волина. Аналогичные комиссии создавались и при Краевых и Областных Отделах народного образования (ОНО).

25 февраля 1933 г. Всероссийское совещание заведующих Край- и ОблОНО (краевых и областных отделов народного образования) приняло резолюцию «О ликвидации вредных последствий чистки книжных фондов библиотек», в которой признало, что постановления НКПроса о прекращении чисток не выполняется[\[12\]](#). О том, что чистки не удается остановить, говорилось в секретном циркуляре ЦК ВКП (б) No 113/79 от 16 июня 1933 года "О спецхранах в библиотеках", подписанным Зав. Культпропом ЦК А.Стецким. Партийным органам предлагалось взять ситуацию под свой контроль[\[13\]](#).

На местах отказ от практики чисток начался намного позднее. Так, например, в г.Горьком (Нижегород) Краевая комиссия для руководства работой по ликвидации ошибок в пересмотре книжного состава библиотек создана приказом Заведующего КрайОНО только 9 сентября 1933 г. Комиссию возглавил начальник Крайлита В.Е.Бабкин, закончивший 2 класса начальной школы и библиотечные курсы Политпросвета. В одном из циркуляров районным комиссиям и органам цензуры он пересказывал приказ Б.Волина: «1. Изъятие книг из библиотек разрешается только по специальным указаниям краевой комиссии. 2. Все инструкции Главполитпросвета о пересмотре книжного состава массовых библиотек включая 1932 г. отменяются, 3. Категорически

запрещается пользоваться материалами книгоцентра по списанию в макулатуру в целях изъятия книг из библиотек. 4. Под руководством краевой и районной комиссии из библиотек должна быть удалена имеющая явно контрреволюционная и религиозная литература... 5. Изъятие книг только потому, что они напечатаны по старой орфографии, запрещается» (орфография подлинника)^[14]. В циркуляре отмечалось также, что спецфонды в библиотеках должны быть открыты, но произведения Троцкого и Зиновьева выдаваться не должны. Таким образом, Главлит пытался монополизировать управление чистками, но не прекратить их (что было невозможно в условиях постоянной политической и идеологической борьбы). Одновременно с этим, объем чисток был сильно сокращен. Так, например, за весь 1933 год приказами Главлита, Московского Обллита и Ленгорлита было изъято всего 87 книг, изданных в 1932-1933 годах^[15]. Среди этих книг только три произведения художественной литературы: Бандурский «Наперекор», В.Рамо «Русский остров», Ал.Тверяк «Такая жизнь» (новелла, опубликованная в самарском журнале «Волжская новь» №1-2, 1933). Остальные издания принадлежат к сельско-хозяйственной или промышленной тематике, отчасти - к политической беллетристике и публицистике. Причинами изъятия последней стали или плохой перевод книги Сталина, или изгибы внешней политики (изымались книги Братковского о польском фашизме), или иные идеологические причины.

Несмотря на все запрещения, на местах чистки не прекращались. Чтобы хоть как-то регулировать ситуацию, государство пошло на силовые методы руководства. 27 марта 1934 г. Постановлением ЦИК СССР «О библиотечном деле в СССР» устанавливалась уголовная и гражданская ответственности лиц, виновных в растрате библиотечного фонда^[16]. После этого постановления потребовались дополнительные акты СНК и Наркомпроса, определяющие уголовную ответственность^[17]. 15 июня 1934 г. произошла перестройка центрального и местного аппарата, руководящего чистками. Формальная причина этой перестройки – продолжающиеся произвольные чистки, которые необходимо остановить. Можно предположить, что одной из реальных причин организационной перестройки было неявное соперничество и взаимная личная неприязнь начальника Главлита Б.М.Волина и Наркома просвещения А.С.Бубнова. Комиссии при Главлите и местных отделах народного образования, созданные в феврале 1932 г., были распущены Приказом заместителя Наркома просвещения М.Эпштейна. Отныне изъятие книг стало возможно только с разрешения Библиотечного управления Наркомпроса, созданного в сентябре 1933 г. Все ранее изъятые книги необходимо было вернуть в общий фонд библиотек^[18]. 7 июля 1934 г. был уточнен порядок согласования списков книг, которые, по мнению библиотекарей, необходимо изымать из библиотек. Самое главное, в приказе Наркомпроса закреплялась руководящая роль Заведующих КрайОНО и Наркомпроса в решении вопросов изъятия книг^[19].

Но не следует думать, что после этого Главлит прекратил практику чисток книг из библиотек. Как до, так и после всех инструкций М.Эпштейна, он выпускал приказы на изъятия. Сведения о количестве изъятых книг противоречивы. В списке изъятой литературы, составленном Главлитом, за весь 1934 год значится только 46 наименований книг, в основе своей технической и экономической тематики^[20]. Но просмотр имеющихся с апреля до декабря 1934 г. приказов Главлита дал возможность выявить 73 книги, предназначенных к изъятию. В приказах Главлита с декабря 1934 по январь 1935 г. значатся еще 28 названий книг^[21].

Итак, в данный период государство и партия безуспешно пытаются приостановить массовые чистки библиотек, но (несмотря на декларации об их полном прекращении) одновременно

понимают необходимость сохранения самого института управления идеологическими процессами и регулирования потока информации. На фоне продолжающихся бесконтрольных чисток идет административная игра, перераспределение функций и полномочий между Главлитом и Наркомпросом. Сначала верх одержал Наркомпрос, но в самом конце 1934 г. позиции Главлита укрепляются благодаря Постановлению СНК РСФСР от 26 декабря 1934 г. о введении должности политцензоров и уполномоченных Главлита при издательствах, редакциях и типографиях (за счет этих организаций)^[22]. В организации чисток и в работе Главлита появилось некоторое новшество - с 1933 года Главлит начинает составлять сводные списки книг, подлежащих изъятию из библиотек. Подобные списки появились еще в середине 1924 г., но они издавались крайне нерегулярно, имели рекомендательный характер, и в их составлении активное участие принимала Библиотечная комиссия Наркомпроса, а не только Главлит.

1935-1937

После убийства Кирова в декабре 1934 г. началась цепочка политических процессов над членами партийной оппозиции. С этого момента и до конца 1937 г. библиотечные чистки полностью отражали процесс арестов «врагов народа», т.к. их книги и статьи подлежали изъятию из библиотек.

В декабре 1934 г. по делу «Московского центра» были арестованы Каменев и Зиновьев. 9 января 1935 г. началось «дело ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». 11 января 1935 г. Б.М.Волин выпустил Приказ №85/с, предназначенный не только местным органам цензуры, но и Библиотечному управлению Наркомпроса: «Приказываю изъять из всех библиотек Наркомпроса, военных, профсоюзных, учрежденческих и прочих книги Зиновьева, Каменева и Сафарова»^[23]. 15 февраля 1935 г. появляется Приказ №40, конкретизирующий издания, которые должны быть изъяты: «а) работы, целиком принадлежащие Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Сафарову и другим осужденным троцкистам и зиновьевцам; б) сборники, учебники или хрестоматии, выпущенные в прошлые (до 1931) года и в качестве учебных пособий или массовой литературы под редакцией упомянутых лиц, или с их статьями или выдержками из них; в) диапозитивы, листовки, плакаты с изображением упомянутых лиц и с выдержками (цитатами) из их произведений, а также их портреты...». В том же Приказе перечислялась литература, не подлежащая изъятию: «а) протоколы советских, партийных, профсоюзных и других съездов и конференций (стенографические отчеты), где имеются выступления или доклады упомянутых лиц; б) томы сочинений В.И.Ленина ... и аналогичных материалов (например, «Ленинские сборники») ... в) газеты и журналы со статьями упомянутых лиц; г) издания, выходящие под редакцией упомянутых лиц, но не вызывающие со стороны цензурных сомнений...» (орфография подлинника)^[24]. Этот приказ Главлита был подкреплён и партийным циркуляром со стороны Оргбюро ЦК^[25].

Повсюду возникали вопросы о проведении новой политики - как быть с изданиями Ленина, редактором которых был Каменев, как быть с журналами, в которых находятся статьи многочисленных "врагов народа", что делать с воспоминаниями о Ленине, которые написали Бухарин, Троцкий и другие^[26]? 4 апреля начальник Горьковского Крайлита в письме в Главлит советовался, нужно ли изымать произведения Рязанова, Рубина, Преображенского, Слуцкого, Волосевича, Мадьяра, Вардина, Шляпникова, а упоминая литературу о Ленине отметил: «Такое обилие сомнительных изданий, что если их взять, то в библиотеках почти ничего не останется»^[27]. 8 апреля Волин написал ответ горьковскому цензору: «Произведения Рязанова, Рубина, Слепкова, Мадьяра, Вардина, Кондратьева, Чайнова, Громана, Суханова,

Преображенского надо изымать»[28]. Но в письме от 13 апреля в Горьковский Крайлит Волин фамилию Рязанова из списка запрещенных авторов вычеркнул собственноручно[29]. Разночтение в перечне авторов, книги которых подлежали изъятию, говорит о неспособности Главлита решить важнейшую политическую проблему. Поэтому 8 апреля в письме секретарю ЦК ВКП (б) А.Андрееву Б.Волин советовался, нужно ли изымать из библиотек литературу, изданную до 1931 г., в которой упоминались враги народа[30]. Ответ, вероятно, был отрицательным, так как уже в Циркуляре 10 апреля Волин писал: «1. Никаких общих чисток библиотек на основании приказа №40 не производить. 2. Никакого расширительного толкования приказа №40 не допускать»[31]. А 13 апреля он успокаивал местных цензоров: «В ближайшие дни будет дан подробный список литературы, подлежащей изъятию»[32]. И действительно, 26 мая в циркуляре № 1119 был дан список 7 книг, подлежащих изъятию[33].

Кроме организационной подготовки "Кремлевского дела" (июль 1935 г.), по которому проходили многие лидеры большевистского руководства, была проведена и идеологическая подготовка. 13 июня 1935 г. Постановлением ЦК "О пропагандистской работе в ближайшее время"[34] рекомендовалось изучать историю борьбы партии с антипартийными группировками. На следующий день Оргбюро ЦК разработало список книг, которые должны быть изъяты из библиотек, чтобы изучение внутривнутрипартийной борьбы шло в нужном русле. 16 июня опросом нескольких членов Политбюро было принято решение "Об изъятии контрреволюционной зиновьевско-троцкистской литературы" и предложенный список книг утвержден[35]. Исходя из этого, 19 июня 1935 г., в последний день работы в Главлите, Б.Волин подписал (а 21 июня его секретариат оформил) Приказ № 1323/сс по Главлиту, в котором отмечалось, что в библиотеках проводилась никем не контролируемая чистка. Поэтому предлагалось прекратить общую чистку и впредь изымать книги только по спискам Главлита[36].

Первый список на изъятие политической литературы прилагался к указанному приказу. В него вошли все книги Троцкого, 11 книг Зиновьева, три книги Шляпникова по истории 1917 г., книги по истории партии (В.Невского, В.Волосевича, Б.Вардина, М.Яворского), теоретические работы по ленинизму П.Залуцкого, Н.Майорского, Г.Сафарова, А.Слепкова и несколько книг Г.Преображенского... Всего в списке было указано 43 книги[37].

Приказ № 1323/сс определил новый порядок изъятия литературы, который перечеркнул действующую до сих пор практику изъятия литературы под руководством Библиотечного управления Наркомпроса и его местных отделений в ОНО. Отныне чистка проводилась заведующим Край(обл)литом или его заместителем совместно с представителем НКВД, в районах - представителем край(обл)лита совместно с представителем от районного НКВД. Это привело к столкновениям ведомственных интересов на местах и недовольству библиотечных работников. Так, например, в 1936 г. книги из козельской районной библиотеки были изъяты работником НКВД без извещения директора библиотеки и районного отдела народного образования. Сколько и какие книги были взяты НКВД - не известно[38]. Никакие протесты не могли остановить вакханалию изъятия книг и перевод их в разряд секретных. Местные работники цензуры никак не могли понять, что из работ Троцкого нужно изымать, а что нет. Начальник Кулебакского Райлита просил ответить начальника Горьковского Крайлита, нужно ли изымать книгу Лурье «Красная Лодзь», если какой-то Лурье арестован в Москве[39]. Следующий вопрос был такой – нужно ли изымать троцкистско-зиновьевскую литературу из личных библиотек коммунистов, а если изымать, то каким образом? Ответ был краток: «На личные библиотеки приказа Главлита не распространяется»[40]. Масса вопросов с мест побуждала Главлит

рассылать дополнительные разъяснения[41]. 11 августа 1935 г. секретным распоряжением нового начальника Главлита С.Б. Ингулова было дано указание начальникам Московского и Ленинградского Литов хрестоматии и сборники со статьями Троцкого, Зиновьева и Каменева передать в спецхраны[42].

В 1935 г. появились и другие списки на изъятия литературы. 10 сентября циркуляром №1850/сс (разослан на места 14 сентября) было предписано изъять наглядные пособия по истории ВКП (б), в которых изображались Троцкий, Каменев и Зиновьев, а также эпоха народовольческого террора XIX в[43]. Согласно инструкции №2008 от 16 октября список изымаемых книг составлял 29 позиций[44]. Всего за 1935 г. по приказам и инструкциям Главлита было изъято минимум 100 книг. Но одновременно с этим составлялись отдельные списки Наркомпросом, которые отчасти публиковались в «Бюллетене Наркомпроса». Особенность этих изъятий состоит в том, что до мая 1935 г. Наркомпрос рекомендовал только зачеркивать в учебных книгах и программах указания в тексте на «вредных авторов», а после мая – приказывал изымать эти книги полностью[45]. 2 экземпляра всех изъятых в 1935 г. книг отправлялись в библиотечные спецхраны.

В 1936 г. началось изъятие иностранной литературы из библиотек СССР. В приказе №53/с говорилось о необходимости изъятия как самих журналов и книг, поступающих в СССР, так и вырезках из них статей, в которых упоминались нежелательные имена или шла критика советского строя. 21 января Постановлением СНК СССР «О контроле за ввозом в СССР иностранной литературы» создавалась централизованная система контроля, ответственность за который возлагалась на начальника Главлита[46]. Одновременно с этим решалось, что изъятия иностранных изданий (и вырезки из них отдельных статей и страниц) не должны касаться научных и технических работ, а распространяется только на политическую и социально-экономическую литературу[47].

Тем не менее, эти постановления нарушались самим Главлитом. Так, например, академик В.И.Вернадский в письме к Председателю СНК В.М.Молотову отмечал, что с лета 1935 года систематически вырезаются статьи из лондонского журнала «Nature». Это подтвердил и Непременный секретарь Академии наук СССР Н.П.Горбунов. Исходя из этого, в начале марта 1936 г. СНК СССР приказал Отделу иностранной цензуры Главлита не допускать злоупотреблений, не вырезать статьи из иностранных журналов, с чем Главлит не согласился, хотя и стал выполнять эти требования[48].

Чистка библиотек тесным образом была связана с политикой, проводимой ЦК ВКП (б). Так, например, после постановления ЦК «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»[49], в органы цензуры поступили списки 121 учебников, учебных и методических пособий по педологии, изданных с 1926 г. и подлежащих изъятию[50].

До октября 1936 г. Главлит выпускал приказы об изъятиях отдельных книг[51], но с 7 октября Начальник Главлита издал приказ № 105/с, в котором говорилось: «Немедленно прекратить изъятие книг, брошюр и другой литературы из библиотек, производимое не по спискам, рассылаемым Главлитом, не распространяя однако это распоряжение на списание в макулатуру самими библиотеками (в порядке текущей работы) устаревшей, изношенной и ненужной литературы» (орфография подлинника)[52]. К приказу прилагалась «Инструкция о порядке изъятия произведений авторов, причастных к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, из библиотек общественного пользования и книготорговой сети», согласно которой имя авторов и названия изымаемых книг должны быть вычеркнуты из всех

библиотечных описей[53]. Кроме этого, вместе с Инструкцией к приказу прилагался и «Список №1 авторов, книги и брошюры коих подлежат изъятию...». В списке значились 23 автора, все книги которых должны быть изъяты: Зиновьев Г., Каменев Л., Евдокимов Г., Бакаев И., Мрачковский С., Тер-Ваганян В., Смирнов И., Рейнгольд И., Пикель Р., Лурье М.И., Вардин И., Варев Н., Невский В., Сокольников Г., Пятаков Г., Стэн Я., Сафаров Г., Эльвов К., Зайдель Г., Ломинадзе В., Слепков А., Астров В., Шацкин Л[54]. Большинство из них проходили по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г., другие были арестованы в 1935 году в связи с другими политическими процессами.

16 октября 1936 г. появился Приказ №108/с об изъятии «устаревшей литературы, не имеющей научной и политической ценности и к тому же зачастую искажающей в политическом отношении освещаемые в ней вопросы»[55]. К приказу прилагалось два списка книг, подлежащих изъятию. «Список №1 устаревших изданий, подлежащих изъятию...» содержал 96 позиций. Из них - 36 книг по истории России и истории революционного движения в России. Редактором части изданий и автором предисловий к ним был арестованный в феврале 1935 г. крупнейший историк, старый большевик В.И.Невский. Другие книги изымались, т.к. предисловия к ним написали Троцкий, Слепков, Каменев, Сокольников, Пикель. Подлежали изъятию биографии В.И.Ленина и другие книги под редакцией Л.Б.Каменева и Г.Е.Зиновьева, арестованных к этому времени историков Г.Зайделя и Фридлянда. Среди указанных изданий можно найти воспоминания, в которых упоминалось имя Троцкого, а также книгу бывшего начальника Главлита Б.Волина «12 портретов»[56]. Среди всех книг только 14 можно назвать литературно-художественными произведениями; они изымались по тем же причинам - предисловия и редакция врагов народа. «Список №2 сборников и хрестоматий, подлежащих изъятию...» к приказу №108 заключал в себе 128 наименований. Из них - 25 книг по истории России и ВКП (б) под редакцией Невского, Слепкова и других[57]. К литературной публицистике относятся только 7 позиций. Все книги были изданы в основном в начале 20-х годов.

15 ноября 1936 г. появился Приказ №120/с, к которому прилагался «Список №3», включавший 177 наименований книг 38-ми авторов. Это книги по философии, истории, теоретическим аспектам марксизма (ленинизма), экономики, педагогики. Среди них можно указать 20 книг В.Д.Виленского-Сибирякова, «Смуту» А.В.Галкина, две книги по истории 1905 г. Г.Е.Горбачева, 4 книги В.М.Далина, в том числе две – по истории Франции, работы С.М.Закс-Гладнева, Ф.Кипарисова, Л.О.Леонидова, Г.Лелевича, А.Малышева, А.Моризе о Ленине и Троцком, 23 книги И.Смилги, все книги М.П.Томского. Из литературных работ можно отметить только трех авторов: Г.Лелевича (тесно связанного с партийной верхушкой), Г.О.Серебряковой о Французской революции и Марксе, а также Ю.М.Славинского по изобразительному искусству. Все остальные книги относятся к политической публицистике[58].

Изъятие «политически устаревшей литературы» сопровождалось естественными трудностями: многие библиотеки не были учтены, в других – инвентарные книги не отражали имеющиеся фонды, в третьих выдача книг читателям не регистрировалась, поэтому необходимые книги было трудно изъять. В помощь органам цензуры парторганизации выделяли коммунистов, которые помогали изымать книги по спискам, которые дополняли по собственному усмотрению и по спискам, составлявшимся местными органами цензуры. Так, например, в Горьком были изъяты книги «Соратники о Калининне», Ф.Давида «Как Гитлер пришел к власти», «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Социализм и война» Ленина и Зиновьева на английском языке (с характеристикой «английский учебник»), «История

революционного движения» в 11 томах под редакцией М.Н.Покровского и другие книги[59]... К середине декабря 1936 г. Главлит подготовил «Сводку №1 о ходе изъятия...» за ноябрь 1936 г. Было проверено 23 800 библиотек, в которых изъято 123.845 книг. В Москве – 52.573, Ленинграде – 14.520, в Горьком – 1.770, Воронеже – 887 книг и т.д.[60]

Проведение библиотечных чисток 1937 года восстановить очень трудно по нескольким причинам. Прежде всего, приказом Главлита от 20 июля 1938 года все списки книг, которые подлежали изъятию, должны были быть уничтожены – таким образом, следы преступлений сокрыты, может быть, навсегда[61]. Только русская безалаберность и нерадивость местных цензоров, которые не выполнили этот приказ полностью, дает нам возможность найти некоторые циркуляры Главлита в местных архивах. Во-вторых, в 1937 году, несмотря на все предупреждения Главлита проводить изъятия книг только по его спискам, местные Литы составляли свои списки книг, подлежащих уничтожению. Более того, приказы Книгоцентра при Объединенном Государственном издательстве (КОГИЗ), который издавал свои приказы на изъятия литературы из книжных магазинов, в 1937 году действовали и в отношении библиотек[62]. Но эти приказы за 1936-1937 годы почти не сохранились. Поэтому восстановить картину полностью не удастся. Но принципиальные черты этой картины обрисовать можно не только по немногим сохранившимся нормативным актам Главлита, но и по его отчетам.

По спискам Главлита было изъято 9.740 названий книг, по спискам КОГИЗа – 850 названий, работниками центральных библиотек Москвы – 2.100 названий[63]. В одном из отчетов Главлита указывалось, что «В 1937 г. только в национальных республиках неправильно было изъято 681 название: 197 названий классиков марксизма-ленинизма и партийных решений, 351 название учебной литературы, 24 названий классиков художественной литературы и 9 названий научно-технической литературы[64]. Частично эта литература поступала в спецхраны, часть ее была сдана в макулатуру, в утильсырье. Вот как описывает содержание спецхрана Государственной Публичной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина его главный хранитель: "С 1935 по 1938 г. из общих фондов в... спецхран поступило свыше 49 тыс. экз. отечественных изданий. По преимуществу это издания общественно-политической тематики (около 80%), прежде всего книги по истории партии, революционного движения и становления советского государства, а также агитационно-массовые и учебно-методические пособия. Значительно меньшую часть составляли труды по гуманитарным наукам (по филологии, искусству, библиотековедению, художественная литература - 17%) и остальным отраслям знания (по естествознанию, сельскому хозяйству, военному делу, технике - 5%)"[65].

Исчезновение из библиотек работ классиков марксизма-ленинизма заставило Главлит издать Циркуляр №2 (21 Января 1937 г.), в котором запрещалось изымать работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, даже если предисловия к ним написали «враги народа»[66]. Но массовые чистки проходили с таким приливом энергии, что в приказе №683/с (3 апреля) Ингулов вынужден был еще раз призвать местные органы цензуры при изъятии руководствоваться только списками Главлита, а не собственной инициативой[67]. То же самое Ингулов повторял в приказе №405 от 5 июня, по которому запрещалось изымать классиков[68]. Но и после этого местные органы цензуры составляли свои собственные списки на изъятия книг[69]. Даже новый начальник Горьковского Обллита Шальнов в ноябре 1937 г. объявил выговор инспектору по изъятию книг Мишукову за то, что он утверждал списки, несовпадающие со списками Главлита[70]. В июле Главлит разъяснял местным органам, что изымать стенографические отчеты съездов и конференций ВКП (б) нельзя, так же, как и первый том «Истории гражданской войны в

СССР»[71]. Несмотря на это, из магазинов г.Горького были изъяты решения Пленумов ЦК ВКП (б) за 1935 год, Резолюции XVII съезда ВКП (б) и т.п., что вызывало не только недоумения работников торговли, но и их протесты[72]. Тогда же телеграммой Главлита было велено изъять все учебники по истории ВКП (б) В.Кнорина и Н.Попова (взамен учебников Ем.Ярославского, которые велено было вернуть в библиотеки)[73]. Проведение массовой чистки вынудило Наркомат финансов ввести в местных органах цензуры 2-х инспекторов по контролю за библиотеками[74].

В сентябре 1937 г. Циркуляром №2061/с изымались книги и портреты репрессированных партийных и советских деятелей Антонова-Овсеенко, Я.А.Яковлева, Эм.И.Квиринга, В.Осинского-Оболенского, А.С.Бубнова, а также литераторов Б.Пильняка, Артема Веселого[75]. Постоянные заклипания Начальника Главлита не проводить чисток самостоятельно свидетельствуют как о слабости аппарата управления, так и о мощи полуобразованных (или не образованных вовсе) начальников местных органов цензуры. Так, например, в 1938 г. в местных органах Главлита работало 8% сотрудников с высшим образованием, 67,7% - с средним и незаконченным средним, 24,3% - с низшим[76]. В Орджоникидзевском крайлите 60 из 81 цензора были с низшим образованием[77]. Отдел печати и издательств ЦК ВКП (б) на протяжении всего 1936 года пытался решить кадровые вопросы Главлита и усилить свое влияние на него, но Политбюро ЦК не обращало никакого внимания на все просьбы Секретариата ЦК организовать работу Главлита по-новому. Тогда Б.Таль (1898-1938), возглавляющий в 1937 г. Отдел печати и издательств ЦК, решил действовать самостоятельно: в августе 1937 г. он разослал письмо №200А об укреплении штатов Главлита и местных органов цензуры[78]. Оно носило рекомендательный характер и не имело практически никаких результатов, кроме ухода Таля из Отдела печати, который возглавил бывший помощник Сталина, заведующий Секретным отделом Секретариата ЦК Л.З.Мехлис (1889-1953). После его обращений к Сталину, 21 октября 1937 г. Решением Оргбюро цензоры газет были включены в номенклатуру партийных организаций, а в ноябре Мехлис сумел добиться проведения массовой чистки аппарата Главлита. 9 декабря 1937 г. ЦК ВКП (б) обязало Главлит «ликвидировать практику произвольного, граничащего с вредительством массового изъятия самим Главлитом литературы; ликвидировать вредную практику издания в массовых тиражах для широкого пользования списка авторов, произведения которых подлежат изъятию; запретить впредь органам цензуры производить изъятие литературы без санкции Центрального Комитета ВКП (б), а в отношении местных авторов, изданных местными издательствами, без санкции Обкомов, Крайкомов и ЦК Нацкомпартий»[79]. На месте репрессированного Начальника Главлита Ингулова временно был поставлен его заместитель А.А.Самохвалов. 22 декабря 1937 г. он запретил (до особого распоряжения) изъятие книг по спискам, а 28 декабря – и по отдельным циркулярам Главлита, которые рассылались до 17 декабря[80]. 26 декабря исполняющий обязанности Главлита запретил КОГИЗу составлять списки на изъятие книг, а на следующий день разослал на места Приказ №2443/с, в котором называл враждебной систему изъятия книг и предупреждал, что новые списки на списание книг из библиотек будут утверждаться в ЦК[81]. Самохвалов предложил ЦК не изымать книги, даже если их автор (редактор) арестован[82]. Эта политика не устроила ЦК ВКП (б). По просьбе нового Заведующего Отделом Печати ЦК А.Никитина 31 января 1938 г. Политбюро ЦК назначило другого начальника Главлита - Н.Г.Садчикова (1904-?). С этого момента начинается новый период в истории библиотечных чисток. Изменение системы изъятия книг (исключительно по согласованию с ЦК) и смена начальства в

Главлите отразились не на характере, а на объеме чисток, который резко возрос. За 1938-1939 гг. появилось 199 приказов на изъятие книг, запрещены 1860 авторов (с 7809 названиями книг), 4512 отдельных книг, 2833 сборника, 1299 названий книг отправлены в макулатуру на переработку. Всего за эти годы из библиотек и книготорговых организаций было изъято и уничтожено 24.138.799 экземпляров книг. В 1940 году появилось 75 приказов на изъятие книг, в которых запрещались 362 автора (все произведения), 3700 отдельных книг, а 757 названий книг списаны в макулатуру (и в спецхран не поступали)^[83].

Два вывода напрашиваются после рассмотрения этого материала. Библиотечные чистки 1932-1934 г. связаны с политическими процессами в меньшей степени, чем чистки 1935-1937 гг., которые почти полностью отражали деятельность карательных органов. Участие местных органов цензур и книготорговых организаций в библиотечных чистках, низкий уровень образования людей, готовящих списки на изъятия говорит о том, что библиотечные чистки связаны не только с политическими акциями государства и партии, но и уровнем развития культуры, а именно мифологическим мышлением, которое постоянно воспроизводило «врагов» в мировосприятии общественных отношений.

Итак, в 1935-1937 гг. в политике чисток проявляются две тенденции – 1) борьба государства в лице Главлита за контроль над процессом изъятия литературы из библиотек и 2) сохранение известной степени самостоятельности других государственных институтов (прежде всего КОГИЗА, Наркомпроса, а также местных органов НКВД и библиотек) в формировании политики изъятия книг. Усиление государства произошло в самом конце 1937 г., когда ЦК ВКП (б) (представляющий - при всех оговорках - государственную власть) приобрел монопольное право утверждать (а по сути – формировать) списки изымаемых книг. Главлит с этого момента стал только непосредственным исполнителем, административным рычагом партии, потеряв всякую долю самостоятельности в данном процессе. Усиление роли государства в политике чисток – общая тенденция с 1932 г., которая нашла свое организационное оформление с 1938 г. Необходимо отметить еще несколько важных черт, свойственных не только периодам 1932-1937 гг., но и всей политике чисток. Изъятие неугодной «враждебной» литературы из библиотек – важнейшая функция государства, которая находила свое отражение и в дореволюционной России. С 1917 г. эту функцию так или иначе выполняла и партия большевиков. Это вызвало возникновение нескольких государственных по форме (и партийных по сути) организаций, прежде всего – Главлита, Библиотечной комиссии Наркомпроса и т.п. И сами чистки и их организаторы отражали ряд как бы не связанных друг с другом явлений – системы образования, партийной пропаганды, сохранения государственных тайн, политических репрессий, внешней политики, перераспределения полномочий между различными административными структурами... Но у всех этих явлений был один общий смысл – это изменение социального сознания, организационное и политическое, научное и идеологическое разграничение «своего» и «чужого». А это является основой мышления всех без исключения людей, поскольку связано с базовыми мыслительными операциями, свойственными образному (мифологическому) и рациональному мышлению. Можно утверждать, что на фоне различных мифологем с 1932 г. вызревал процесс рационализации общественного сознания. Этот процесс происходит волнообразно, достигает своего апогея и превращается в свое полное отрицание. Подобное можно видеть во второй половине XIX в. (период закончился революцией 1917 г.); в 1921-1932 гг. (период закончился вакханалией «крутого перелома» и отказом от радикальных мер государственного регулирования общественных отношений); похожие процессы, начавшиеся в 1932 г. закончились хрущевской

«оттепелью»; брежневская рационализация привела к горбачевской перестройке; к чему приведут меры по усилению государства в современной России расскажут 20-е годы. В 30-е годы рационализация общественного сознания проявилась в социализации гуманитарного знания (прежде всего – общественно-политической литературы), что привело к усилению и централизации государственного (партийного) влияния на процесс изъятия из библиотек чуждых большевистскому руководству страны изданий. С помощью чисток руководство страны и сами массы осознавали себя гражданами нового государства и создавали это новое (допустим – социалистическое) государство. И все же, нельзя без боли говорить о том, какие уродливые формы принимал этот процесс самопознания.

Зеленов М.В.

*Опубликовано в переводе на английский язык под заголовком **The Library Purges of 1932-1937 in Soviet Russia** в журнале **Solanus. International Journal for Russian & East European Bibliographic, Library & Publishing Studies. New Series. Vol. 14, London, 2000. P.42-57.***

Размещено 15 сентября 2006 г.

[1] Справочник партийного работника. Вып. VII. Ч. II. М.-Л., 1930. С.272.

[2] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (в дальнейшем - РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.113. Д.794.

[3] Крупская Н.К. О библиотечном деле. Сб. трудов. Т.2. М., 1983. С.388.

[4] Труд. 1929, 17 октября. То же: Красный библиотекарь, 1929. №10. С.7-8.

[5] Бюллетень Наркомпроса. 1930. № 22. С.11.

[6] О чистках 20-х – 30-х годов см.: Fainsod, Merle. Censorship in the USSR - A Documented Record // Problems of Communism. V. March-April. 1956. P.12-19; Wolfe, Bertram D. Krupskaya Purges the People's Libraries // Survey: a journal of Soviet and East European Studies. (L.) Summer 1969. №72. p.141-155; Raymond, Boris. Krupskaya and Soviet Russian Librarianship, 1917-1939. Metuchen NJ – Lnd. 1979; Korsch, Boris. The Permanent Purge of Soviet Libraries. The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper No 50. April 1983. Jerusalem, 1983. О чистках 20-х годов есть упоминания в российской литературе: И.Л.Бендерский. Библиотечная работа профсоюзов // Библиотечное дело в период НЭПа (1921-1929). Сб. научных трудов. Ч.2. М., 1991. С.70, 81, 93; Глазков М. Послереволуционная библиотечная политика // Московский журнал. 1993. № 7. С.42-44; Арифупова Л.Н. Возвращение «репрессированных» книг // История, историография, библиотечное дело. Тезисы научно-практической конференции специалистов ГПИБ. 19-20 мая 1994 г. М., 1994. С.40-41; Судьбы библиотек дореволюционной России: 20-30-е гг. XX в. Конференция 1-3 октября 1996 года. Тезисы сообщений. СПб. 1996. С.18, 27, 82.

[7] Бюллетень Наркомпроса. 1932. No 61. С.6.

[8] Большевиизация книжного фонда. Великий перелом в библиотечном деле [Публикация А.Ватлина] // Независимая газета. Книжное обозрение "Ex Libris НГ". 1999, 20 мая. С.16.

[9] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.904. Л.4.

[10] Там же. Д.905. Л.13-14, Д.906. Л.14.

- [11] Бюллетень НКП. 1933. № 6. С.11.
- [12] Бюллетень Наркомпроса. 1933. №7. С.6.
- [13] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.87. Л.27-28. Изложение этого циркуляра см.: Зеленов М.В. К истории первоначального этапа становления спецхрана в главной библиотеке Советской России (1920-30-е годы) // Solanus. Vol.12. 1998. С.70-71.
- [14] Государственный архив Нижегородской Области (в дальнейшем - ГАНО). Ф.1457. Оп.2. Д.5. Л.152.
- [15] Перечень книг дан в Приказе Главлита в феврале 1934 г.: ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.6. Л.40-44. В другом списке изъятых за 1933 год книг числится 85 единиц: Там же. Оп.2. Д.10. Л.91-94.
- [16] СЗ СССР. 1934. №18. Ст.141.
- [17] Бюллетень Наркомпроса. 1934. №34. С.13-15.
- [18] Бюллетень Наркомпроса. 1934. №21. С.7.
- [19] Бюллетень Наркомпроса. 1934. №22. С.21.
- [20] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.94 об.-95.
- [21] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.6. Л.69, 70, 76, 126, 156. Д.10. Л.83 и об.
- [22] СУ РСФСР. 1934. №31. Ст.273.
- [23] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.29.
- [24] Там же. Л.41-41 об.
- [25] См.: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., РОССПЭН. М., 1997. С.64.
- [26] Описание ситуации, возникшей в Смоленске после этого циркуляра, см.: Fainsod, Merle. *Censorship in the USSR - A Documented Record // Problems of Communism*. V. March-April 1956. P.18.
- [27] ГАНО. Ф.1457. Оп.1. Д.3. Л.124 об.
- [28] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.85.
- [29] Там же. Л.86.
- [30] История советской политической цензуры. С.477.
- [31] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.84.
- [32] Там же. Л.86.
- [33] Там же. Л.87.
- [34] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9-е. Т.6. М., 1985. С.234.
- [35] РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.965. Л.63-64.
- [36] Fainsod, Merle. *Op.Cit.* P.18. То же самое без указания на первую публикацию см.: Korsch, Boris. *The Permanent Purge of Soviet Libraries*. The Hebrew University of Jerusalem. The Soviet and East European Research Centre. Research Paper No 50. April 1983. Jerusalem, 1983. PP.30-31. Благодарю Р.Ф.Бёрнса за указание на эту книгу.
- [37] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.99.
- [38] Fainsod, Merle. *Op.Cit.* P.19.
- [39] ГАНО. Ф.1457. Оп.1. Д.3. Л.171.
- [40] Там же. Л.172.
- [41] ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.115, 116.
- [42] Упоминание об этом см.: ГАНО. Ф.1457. Оп.2. Д.10. Л.134.
- [43] Там же. Л.133, Оп.2. Д.18. Л.6 об.

- [44] Там же. Оп.2. Д.10. Л.142-143.
- [45] См.: Бюллетень Наркомпроса». 1935. №8. С.6, 15; №9. С.7; №11. С.21, 23; №14. С.6; №17. С.11; №19. С.8.
- [46] ГАНУ. Ф.1457. Оп.2. Д.18. Л.1.
- [47] Разъяснение этого последовало в приказе Главлита №133/с 26 января. См.: Там же. Л.2.
- [48] Источник. 1996. №3. С.141-145.
- [49] КПСС в резолюциях и решениях... Т.6. М., 1985. С.364-367.
- [50] ГАНУ. Ф.1457. Оп.2. Д.18. Л.17.
- [51] См., например, приказ №233/с от 11 февраля на изъятие Альбома «История ВКП (б)» издания Музея Революции: Там же. Л.5.
- [52] Там же. Л.36.
- [53] Там же. Л.38-40.
- [54] Там же. Л.40.
- [55] Там же. Л.43.
- [56] Там же. Л.44-47.
- [57] Там же. Л.48-51.
- [58] Там же. Л.64-70.
- [59] Там же. Ф.1457. Оп.1. Д.7. Л. 59, 60, 76, 101, 155.
- [60] Там же. Л.81-82.
- [61] Там же. Ф.4254. Оп.3. Д.9. Л.32.
- [62] Там же. Оп.3. Д.2. Л.16.
- [63] История советской политической цензуры. С.311.
- [64] Государственный архив Российской Федерации (в дальнейшем - ГАРФ). Ф.9425. Оп.1. Д.5. Л.30.
- [65] Варламова С.Ф. Спецхран РНБ: прошлое и настоящее // Библиотекосведение. 1993. №2. С.77. В другом месте она указывает на то, что первый сохранившийся акт по спецхрану ГПБ датирован 1 июня 1935 г. Это более чем странно. См.: Варламова С.Ф. К истории создания и развития спецфондов ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. // Цензура в царской России и Советском Союзе. Материалы конференции 24-27 мая 1993 г. Москва. Рудомино. 1995. С.162.
- [66] ГАНУ. Ф.4254. Оп.1. Д.3. Л.17.
- [67] Там же. Ф.4254. Оп.1. Д.3. Л.39.
- [68] Там же. Оп.3. Д.2. Л.70-71.
- [69] Там же. Д.5. Л.142.
- [70] Там же. Д.5. Л.303.
- [71] Там же. Д.3. Л.13.
- [72] Там же. Д.7. Л.65.
- [73] Там же. Д.3. Л.10.
- [74] Упоминание об этом постановлении от 9 июня 1937 г. см.: Там же. Ф.4254. Оп.3. Д.7. Л.90.
- [75] Там же. Ф.4254. Оп.1. Д.3. Л.81.
- [76] ГАРФ. Ф.9425. Оп.1. Д.5. Л.11.
- [77] Там же. Д.9. Л.23.
- [78] ГАНУ. Ф.4254. Оп.3. Д.2. Л.108.
- [79] ГАРФ. Ф.9425. Оп.1. Д.5. Л.30.
- [80] ГАНУ. Ф.4254. Оп.3. Д.3. Л.34, 37.

[81] ГАНО. Ф.4254. Оп.1. Д.3. Л.89, 90.

[82] История советской политической цензуры. С.488.

[83] ГАРФ. Ф.9425. Оп.1. Д.5. Л.33, 66, 87.

(1.2 печатных листов в этом тексте)

Смотри также:

- [М.В. Зеленов. Аппарат ЦК и Главлит: 1921-1929 гг. \(Глава 5 из книги "Аппарат ЦК РКП \(б\) – ВКП \(б\), цензура и историческая наука в 1920-е годы" \(Нижний Новгород, 2000\)\)](#)
- [Зеленов М.В. Институционализация партийной цензуры: Истпарт и Институт Ленина.](#)
- [М.В. Зеленов. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы](#)
- [М.В. Зеленов. Главлит внутри власти. Июнь 1931 – июнь 1935 гг. Б.М.Волин](#)
- [М.В.Зеленов. Библиотечные чистки в 1932-1937 гг. в Советской России](#)
- [М.В.Зеленов. Зарождение партийно-государственной цензуры: инициаторы и исполнители \(глава 2 из кн.: Аппарат ЦК РКП \(б\) - ВКП \(б\), цензура и историческая наука в 1920-е годы.\)](#)
- [М.В. Зеленов СПЕЦХРАН И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-е ГОДЫ](#)



 [подписаться на рассылку](#)  [письмо в редакцию](#)  [добавить в избранное](#)  [карта сайта](#) [наверх](#)

2004-2011 © Открытый текст, перепечатка материалов только с согласия редакции red@opentextnn.ru
Электронное периодическое издание "Открытый текст" - Свидетельство о регистрации СМИ Эл N 77-8581 от 4 февраля 2004 г.

